

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2019–2020 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 7 КЛАСС

1. [40 баллов] ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Прочитайте переводы классических текстов русской литературы XIX века на словенский и сербский языки. Выполните задания.

1. [10 баллов] Догадайтесь, какие тексты русской литературы представлены данными переводами. Укажите авторов и названия произведений.
2. [10 баллов] Переведите по возможности на русский язык несколько фраз из первого фрагмента. Прочитайте по-русски несколько стихотворных строк или строф из второго текста.
3. [20 баллов] Напишите небольшое (10–12 предложений) рассуждение: «Легко ли быть переводчиком?»

В рассуждении о художественном переводе и вольности переводчика вам могут помочь высказывания двух знаменитых переводчиков иноязычных поэтов.

«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник»
(В.А. Жуковский).

«Из этого надо сделать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченки, Верлена и других, так я понимаю свою задачу» (Б.Л. Пастернак).

Оцениваются: точность аргументации, количество ссылок на названия и тексты художественных произведений, грамотность.

А.

VOLKODLAK

Hrabri Vanija koraka
Neki dan domu na noč,
Ino mrzlo pot pretaka
Sam skoz mirodvor gredoč.
<...> Vanija strahu trepeče,
Da se ježi las mu vsak,
Misli si, da gloda – žveče
Mrtvih kosti volkodlak.
<...> Je li volkodlak tam sedel?

Vanija – prestrašno res!
Mirno na grobovih snedel
Vkradene kosti je – pes!
(Перевод на словенский И. Весела)

Б.

ЈЕДРО

Бела са једро усамљено,
Кроз плаву маглу мрешка сјај!..
Што се по свету недогледном?
Што остави свој родни крај?

Таласи пљуште, урла ветар,
Јарбол се повия ко прут...
Не тражи оно срећу светом,
Нит га од среће води пут!

Под њиме плаве воде јуре,
Над њом је јарког сунца вир...
А оно вечно тражи буре,
Као да буре даје мир!

(Перевод на сербский М. Митровича)

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.

Это задание содержит два варианта. Выберите **ТОЛЬКО ОДИН** из них.

Вариант 1. Прозаический текст

Прочитайте рассказ. Напишите сочинение об этом рассказе, отвечая на поставленные вопросы (можно ответить не на все вопросы). Пишите **связным текстом**, свободно, понятно, доказательно и грамотно.

Рекомендуемый объём – 200–300 слов.

Нина Сергеевна Дашевская (род. 1979)

КРЕНДЕЛЬКОВ

Мама ходила к директору, спорила, доказывала – бесполезно.

Дело в том, что в июне умер Лев Миронович Штайн, Тимкин учитель скрипки. Тимкино горе – первое такое большое, настоящее горе – как будто уже затёрлось, заплескалось морем, закаталось велосипедом. Но сейчас, в сентябре, он с особенной ясностью понял, что никогда больше не придёт к Штайну на урок. В его особенный дом: высоченные потолки, медные ручки шкафов, пластинки, книги – на русском, немецком, шведском. Рояль с букетом сухих листьев. И сам Штайн в высоком кожаном кресле – огромный, седой. Ему трудно было ходить, и Тимка по-хозяйски заваривал чай, разливал по звонким чашечкам...

Всё, больше этого не будет. И главное – нужно идти на урок к совершенно чужому человеку. Кренделькову какому-то. «У кого учишься?» – «У Кренделькова...» Жуть. И откуда он вообще взялся?

Мама доказывала директору:

– Ведь это уму непостижимо – в шестом классе переводить мальчика на виолончель!

Тот оправдывался – не хватает учителей по скрипке, а у Тимы большие руки, виолончельные. Но дело было не только в этом. Просто директору хотелось, чтобы в школе был оркестр, а оркестра без виолончели не бывает. Раньше учителей не было, а тут – на тебе, Крендельков! «Молодой, перспективный»... Этого ещё не хватало.

– Чудный инструмент – основа оркестра, фундамент... Может, вам понравится. Вы бы попробовали хотя бы на один год!

– На полгода, – устало согласилась мама.

Тимка вспомнил один концерт – там на виолончели играла тётенька с некрасивым лицом. Пум, пум... Фундамент. А Тимка не хотел быть фундаментом! Он хотел быть звонкой первой скрипкой, тем более что теперь, в шестом классе, он вполне мог бы быть первым! Эх, Крендельков-Коврижкин...

– Не переживайте вы так, – уговаривал папа. – Может, он не так плох, как вы думаете!

На самом деле оказалось ещё хуже.

Антон Петрович Крендельков, на вид – лет семнадцать. Маленький, щуплый, в очках, уши торчат... Антошка-картошка. На первом уроке он был в красной футболке с Чебурашкой (вернее, с «ЧеБурашкой» в военном берете и с усами, как у Че Гевары). Смешная, в общем, футболка. Только Тимке не до смеха. Он с первого взгляда невзлюбил в этом Кренделькове всё – от дурацкой майки до очков, до оттопыренных ушей. Коржиков-Карамелькин...

И виолончель тоже невзлюбила Тимку. Огромная, неповоротливая, она мучила его упражнениями и детскими песенками. А ведь на скрипке он уже играл Баха, Вивальди – настоящую музыку! Крендельков маялся с Тимкой, со скрипичным поворотом его руки. А Тимка построил против него как бы стенку; почти не разговаривал, просто кивал, и всё. И ждал Нового года – когда кончится это мученье! Тогда директор пусть делает что хочет. Если не найдет ему учителя скрипки – всё, до свидания! Бросит школу, и всё.

– Закрути эту ноту, как подачу в теннисе. Понимаешь?

Тоже мне, спортсмен! Тимка с тоской вспоминал Штайна, его речь... а тут – теннис. Чего взять с этого Коврижкина!

Ну ничего, уже декабрь – осталось чуть-чуть! И всё-таки надо бы позаниматься перед экзаменом. Не то чтобы жалко Кренделькова, просто неловко как-то. Тимка раскрыл дома чехол и обнаружил, что оставил в классе шпиль – тот, которым виолончель упирается в пол. Эх, придётся бежать в школу – может, открыто еще.

Школа близко, десять минут бегом – и на третий этаж. Даже куртку не снял, только стянул шапку с жаркой головы. Кажется, класс открыт. Запыхавшийся Тимка рванул на себя двойную дверь и замер.

В ту же секунду смолк за стенкой настырный рояль, и Тимка услышал виолончель. Такую, какую ещё никогда не слышал. Она не пела, а как будто говорила негромко, и голос её был такой... Словно на всей планете нет ничего, только снег, снег и в лучах фонаря она, виолончель.

Свет был выключен, и Тимка не сразу узнал сидящего у окна Кренделькова. Фонарь слабо освещал его длинный нелепый нос и руки – одна на грифе, другая со смычком. Надо же, какие красивые у него руки! Он продолжал играть, не остановился. И такое лицо у него было... Без очков он выглядел старше. Много старше. Антон Крендельков в мягком свитере, который играет на виолончели. Такой, какого Тимка никогда не видел. И не слышал...

Последний звук растворился в воздухе, улетел в морозную ночь. Крендельков увидел наконец своего ученика.

– А, это ты, – сказал он как-то равнодушно.

– Я... Я шпиль забыл. – Тимка удивился, как обыкновенно звучит его голос. Крендельков кивнул и как будто чуть отвернулся.

– Антон Петрович! А это... это что было?

Он вдруг улыбнулся и как-то потеплел:

– Бах. – Как будто Бах его близкий друг и он рад представить Тимке такого славного парня.

– Можно, я послушаю? – вдруг спросил Тимка.

Крендельков опять кивнул. Тимка прикрыл дверь и сел на краешек стула.

Крендельков играл, а он слушал. Просто слушал и ни о чём не думал.

Антон опустил смычок и посмотрел на Тимку.

– Скучаешь по Штайну?

Тимка вздрогнул. И почувствовал, как стенка – крепкая стенка, которой он отгородился от Кренделькова, – трещит по всем швам.

– Вы его знаете?.. Знали?

– Мы много играли вместе, – кивнул Антон. – Хороший был дядька, настоящий.

И Тимку почему-то совсем не покорило это «дядька». Неужели играли вместе?

А Крендельков вдруг сказал:

– Жаль, что ты уходишь. Да что ты, я же всё понимаю... Не вышло из меня учителя. Я, знаешь, тоже хорош. Всё с тобой, как с маленьким... И понимаю, что плохо, а как надо – не знаю...

Стенка рухнула и разлетелась в пыль.

– Антон Петрович, поиграйте ещё! Пожалуйста!

А экзамен не состоялся. На следующий день Тимку прямо из школы увезли с острым аппендицитом.

Антон бегал к нему в больницу каждый день. Притащил маленький плеер, закачал туда виолончельной музыки.

«Надо же, какой хитрый, – думал Тимка, – хочет меня всё-таки подружить с этой виолончелью!»

Но Антон ничего такого не хотел – просто делился музыкой, которую любил сам.

* * *

– Вот такая штука, – закончил рассказ про своего друга и учителя Тима.

Мы с ним возвращались с концерта, и шёл снег. Много, много снега. Он заметал дорожки Тверского бульвара, и хрупкие снежинки тихо падали на огромного, взрослого уже Тиму и на виолончельный футляр за его широкой спиной.

<2014>

1. Как описан Крендельков? Почему у него такая внешность?
2. Как противопоставлены друг другу Штайн и Крендельков?
3. Как вы понимаете слова «стенка рухнула и разлетелась в пыль»?
4. Как, когда и почему меняется отношение Тима к новому учителю?
5. Зачем в рассказе нужен последний абзац?

Вариант 2. Поэтический текст

Прочитайте стихотворение. Напишите сочинение об этом стихотворении, отвечая на поставленные вопросы (можно ответить не на все вопросы). Пишите **связным текстом**, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 200–300 слов.

Владислав Петрович Крапивин (род. 1938)

* * *

Если вдруг покажется пыльною и плоскою,
Злой и надоевшею вся Земля,
Вспомни, что за дальнею синею полоскою
Ветер треплет старые марселя.

Над морскими картами капитаны с трубками,
Дым пуская кольцами, спорят до утра,
А у моря плотники топорами стукали –
Над ветрами синими рос корабль.

Крутобокий, маленький, вырос, встал на стапели
И спустился на́ воду он в урочный час.
А потом на реях мы паруса поставили,
И, как сердце, вздрогнул наш компас.

Под лучами яркими, над морскими кручами,
Положив на планшир тонкие клинки,
Мы летим под парусом с рыбами летучими,
С чайками, дельфинами наперегонки.

У крыльца, у лавочки мир пустой и маленький,
У крыльца, у лавочки куры да трава,
А взойди на палубу, поднимись до салинга,
И увидишь дальние острова.

<1970-e>

1. В стихотворении много слов-терминов: марселя (прямые паруса), стапели (сооружение для спуска на воду судна), планшир, салинг (детали парусника). Что объединяет эти слова и зачем они употреблены автором?
2. К кому обращается герой стихотворения?
3. Какие противопоставления вы видите в стихотворении?
4. Каким предстаёт морское пространство в этом стихотворении?

Максимальный балл за всю работу – 80.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2019–2020 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 8 КЛАСС

1. [40 баллов] ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Прочитайте переводы классических текстов русской литературы XIX века на болгарский язык. Выполните задания.

1. [10 баллов] Догадайтесь, какие тексты русской литературы представлены данными переводами. Укажите авторов и названия произведений.
2. [10 баллов] Прочитайте по-русски несколько стихотворных строк или строф из первого текста. Переведите по возможности на русский язык несколько фраз из второго фрагмента (прозаического текста).
3. [20 баллов] Напишите небольшое (10–12 предложений) рассуждение: «Легко ли быть переводчиком?»

В рассуждении о художественном переводе и вольности переводчика вам могут помочь высказывания двух знаменитых переводчиков иноязычных поэтов.

«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник»
(В.А. Жуковский).

«Из этого надо сделать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченки, Верлена и других, так я понимаю свою задачу» (Б.Л. Пастернак).

Оцениваются: точность аргументации, количество ссылок на названия и тексты художественных произведений, грамотность.

А. Седя зад решетки във влажен затвор.
Закърмен с неволя орел млад и горд,
мой тъжен приятел, размахва криле
и кървава плячка край мене кълве,

кълве, към килята гледа смутен,
замислил е сякаш една мисъл с мен.
Той с поглед зове ме, препълнен с тъга,
и иска да каже: «Да литнем сега!»

Ний волни сме птици; да литнем с теб, брат,
където белее планинският свят,
където морето синее в захлас,
където стопани сме вятър и аз!»

(перевод К. Георгиева)

Б. Въртеше той мъртви очи встрани и видя надигнали се мъртъвци от Киев и от Галичката земя, и от Карпатите, прилични по лице като две капки вода на него. Бледи, бледи, един от друг по-високи, един от друг по-кокалести, наобиколиха те конника, който държеше в ръка страшната си плячка. Още веднъж се засмя рицарят и я хвърли в пропастта. И всички мъртъвци скочиха в пропастта, подхванаха мъртвеца и забиха в него зъбите си. *(перевод К. Константинова)*

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Это задание содержит два варианта. Выберите ТОЛЬКО ОДИН из них.

Вариант 1. Прозаический текст

Прочитайте рассказ. Напишите сочинение об этом рассказе, отвечая на поставленные вопросы (можно ответить не на все вопросы). Пишите **связным текстом**, свободно, понятно, доказательно и грамотно.

Рекомендуемый объём – 200–300 слов.

Александр Феденко (род. 1977)

КИРПИЧ

- Кошку – нельзя. Собаку – нельзя. Хомяка – нельзя. А кого можно?
- Никого.
- Почему?
- Потому. Не маленькая уже – соображать должна.
- Что соображать?
- То!
- Раньше было нельзя, потому что маленькая.
- Не делай из матери идиотку!
- Я и не делаю.

– Хотя бы лягушку?

– Нет.

– Червячка?

– Нельзя.

– Ну пожалуйста!

– Не беси меня!

Катя осторожно закрыла за собой дверь и спустилась во двор.

Посреди двора лежал кирпич – раньше Катя его не видела.

– Ты чей? – заговорила Катя с кирпичом.

– Ничей. Бросили меня.

Кирпич был красно-рыжий, из обожжённой глины, весь в сколах и выщербинах, один край сильно отбит. Катя протянула руку, кирпич пугливо сжался, попятился, глядя на Катю.

И всё-таки позволил себя погладить: желание ласки одолело страх удара.

Катя расплела с головы ленту, привязала к кирпичу – получился поводок.

– Теперь ты мой. Я тебя не брошу.

Девочка пошла по двору, кирпич захромал следом.

– Тебя как зовут?

– Никак меня не зовут.

– Я буду звать тебя Жора.

– Зачем ты притащила в дом кирпич?

– Ему было плохо. Это не простой кирпич. Это Жора. Он будет жить с нами.

Кирпич жадно лакал молоко из блюда. Недоверчиво скашивал назад то один, то другой глаз, не прекращая лакания. Девочка восторженными глазами смотрела на него, не веря в своё счастье.

– Вдруг он больной?

– Он не больной! Он хороший. Его бросили!

– Хороших не бросают.

Катя не ответила.

Мама запнулась о кирпич и долго с вдохновением ругалась.

– Он хотел поиграть с тобой, – оправдывала его Катя.

Жора заполз под диван и затаился.

В отличие от матери, отец не замечал его вовсе, не веря в способность глины ощущать жизнь. При появлении отца Жора забирался на подоконник и тихо лежал там, рассматривая движение уставших людей, бредущих далеко внизу по земле.

На ночь Катя укладывала кирпич на своей подушке и, обняв его, сразу же засыпала беззаботным детским сном.

Кирпич лежал рядом и глядел на спящую Катю преданными глазами. Осторожно выбирался из-под её руки, спускался на пол и бродил по квартире – наблюдал прекратившееся существование семейства, испытывая редкое для себя удовольствие безмятежности.

Перед рассветом он возвращался к Кате, ложился в ноги и засыпал.

Утром мама находила красно-рыжие следы на полу и привычно ругалась.

Она ругалась, что из-за кирпича везде пыль, и не продохнуть, и что, наверное, кирпич медленно их убивает.

Однажды отец проснулся ночью и увидел напротив неподвижный тёмный силуэт.

Он нащупал в темноте тапку и швырнул. Жора ушёл в комнату Кати, и утренние красно-рыжие следы появляться перестали.

Жора старался не попадаться на глаза, днём он предпочитал лежать под диваном, изредка выбираясь на подоконник – посмотреть на жизнь.

Как-то раз отец пришёл домой раньше обычного. Злой. Недовольный.

Жора был на кухне и пил воду из миски. Проскользнуть в комнату Кати незаметно от отца он не успевал.

Отец увидел его. Жора припал к полу и ждал, поняв, что будет дальше.

– Что ты тут прикидываешься живой тварью? Кирпичи не пьют воду!

Он вдруг пнул Жору, вложив в удар давно копившуюся ненависть к поддельной жизни, и запрыгал на одной ноге. Лицо его оскалилось от боли и бешенства.

– Паскуда! Вы видели – он сломал мне палец!

– Папа, это ты его пнул.

Катя подняла Жору и, прижимая к груди, убежала к себе, заперлась.

Отец ворвался. Он выдернул кирпич из рук Кати и затряс им в воздухе.

– Это кирпич! Всего лишь кирпич. В нём нет ничего живого. Это мёртвая, бесчувственная глина.

Пальцы отца впились в твёрдый керамический бок с нечеловеческой силой и начали крошить. Кирпич сжался в руке, чувствуя, как разрушается его тело, и, не имея сил вытерпеть боль этого разрушения, начал скрючиваться, сминаться, ища новое положение и форму своей жизни и не находя их. Он побелел от боли. Отец распахнул окно и бросил кирпич вниз.

Сердце Кати оторвалось и полетело в бесконечную, бездонную пропасть.

Катя побежала следом в эту пропасть, с каждой ступенькой исчерпывая остатки надежды, с каждым пролётом проваливаясь в страшное, неминуемое.

Большое красное пятно на треснувшем от удара асфальте запечатлело последнее движение жизни и мгновенно наступившую за ним неподвижность. Мелкие кусочки обожжённой глины лежали разметавшись, заполнив собой всё вокруг. Нашлось несколько обломков покрупнее. Катя принялась складывать их друг с другом, но они не соединялись, разваливаясь в бесформенную кучу. Тихие слёзы текли по Катиному лицу, мешая видеть новый мир. Она отодвигала их руками, и лицо её делалось красным от потёков кирпичной пыли.

Дворник Галактион принес старую ненужную коробку от обуви и помог собрать останки.

Девочка, с крепко прижимаемой к груди ношей, села в поезд.

Некоторые из людей замечали её, удивлялись, что такая маленькая девочка едет одна, порывались заговорить с ней, расспросить или даже помочь. Но, подойдя и заглянув в её глаза, поспешно уходили прочь.

<2016>

1. Черты каких жанров отразились в этом тексте?
2. Почему кирпич наделён сознанием и чувствами?
3. Какое произведение классической литературы напомнил вам этот сюжет?
4. В чём смысл финала рассказа?

Вариант 2. Поэтический текст.

Прочитайте стихотворение. Напишите сочинение об этом стихотворении, отвечая на поставленные вопросы (можно ответить не на все вопросы). Пишите **связным текстом**, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 200–300 слов.

Александр Александрович Блок (1880–1921)

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зелёная вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре – серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг – суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, – и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

<1911, 1914>

1. О каком воспоминании говорит лирический герой? К кому он обращается?
2. Какую роль в стихотворении играют эпитеты?
3. Как вы понимаете смысл финального четверостишия?

Максимальный балл за всю работу – 80.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2019–2020 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 9 КЛАСС

1. [40 баллов] ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Прочитайте переводы классических текстов русской литературы XIX века на сербский язык. Выполните задания.

1. [7 баллов] Догадайтесь, какие тексты русской литературы представлены данными переводами. Укажите авторов и названия произведений.
2. [8 баллов] Переведите по возможности на русский язык несколько слов и выражений из первого фрагмента прозаического текста. Прочитайте по-русски несколько стихотворных строк или строф из второго фрагмента.
3. [5 баллов] Укажите, из какой части произведения взят первый фрагмент и для кого он был предназначен автором произведения.
4. [20 баллов] Напишите небольшое (10–12 предложений) рассуждение: «Легко ли быть переводчиком?»

В рассуждении о художественном переводе и вольности переводчика вам могут помочь высказывания двух знаменитых переводчиков иноязычных поэтов.

«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник»
(В.А. Жуковский).

«Из этого надо сделать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченки, Верлена и других, так я понимаю свою задачу» (Б.Л. Пастернак).

Оцениваются: точность аргументации, количество ссылок на названия и тексты художественных произведений, грамотность.

Переводы с русского на сербский

А. Градоначелник, човек који је већ остарио у државној служби и, на свој начин, доста паметан. Ма да је подмитљив, ипак се понаша веома солидно, доста је озбиљан и воли помало да мудрује; не говори ни гласно ни тихо, ни много ни мало. Свака његова реч има своју вредност.

Б.

У час живота тешки,
Кад туга душу мори,
Молитву једну чудну
Напамет срце збори.

Благодетна је сила
У живе речи звуку,
у тој лепоти светој
заборављам сву муку.

Са душе бреме пада,
Далеко ј' сумња јако –
И верујем, и плачем,
И лако ми је, лако...

(Перевод
К.Тарановског)

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 250–350 слов.

Вариант 1

Александр Валентинович Вампилов (1937–1972)

СУМОЧКА К РЕБРУ

Рабочий день литературного консультанта Владимира Павловича Смирнова начинается с чтения рукописей. Разбор некоторых из них требует изрядных криминалистических навыков. В других – отклонение от грамматики мешает додуматься до смысла написанного. Иногда написанное вообще не имеет никакого смысла. Владимир Павлович хмурится и слегка нервничает. Часов с десяти начинают появляться авторы. По утрам любит приходить начинающий поэт Рассветов. Он раздевается и садится напротив Владимира Павловича. Рассветов страшно интеллигентен, но ходит всегда неприлично лохматым. Скептик ужасный. Даже собственные стихи он читает с пренебрежением. Пишет о полях и о деревьях, но больше о чувствах. Пишет плохо. Сначала Рассветов посылал стихи почтой и был неприятен Владимиру Павловичу как автор, но вот он стал приносить стихи сам и стал неприятен ещё и как человек.

– Мелкотемье, товарищ Рассветов, и форма у вас не блестящая, – сдержанно говорит Владимир Павлович, пытаясь вернуть Рассветову стихотворение.

– Мелких тем нет. Есть мелкие авторы, – надменно говорит Рассветов.

Владимиру Павловичу хочется сказать Рассветову, что он и есть автор самый мелкий, что ему надо бросить писать и заняться поднятием тяжестей, но этого сделать нельзя, и Владимир Павлович подробно разбирает стихотворение, советует, спорит, читает лекцию по литературоведению и очень вежливо даёт понять, что стихотворение не может быть напечатано. Рассветов надувается и уходит создавать художественные ценности.

Следующий – молодцеватый стриженный парень, недавно демобилизованный солдат, автор романа «Три года в строю». Автор требует напечатать «хотя бы главы». Роман лежит у Владимира Павловича в самом дальнем углу стола вместе со склянкой настойки из ландыша.

– Прочитали? – звонко спрашивает стриженный парень.

– Читаю, – хмуро говорит Владимир Павлович. – Зайдите дня через два.

– Сколько можно ходить! – нахально говорит парень. – Я не потерплю бюрократического подхода к моему творчеству!

Владимир Павлович тупо смотрит на посетителя, на его богатырскую грудь, украшенную четырьмя автоматическими ручками, и ему страшно

хочется достать из стола роман, рвать его на глазах у автора и выкрикивать при этом оскорбительные отзывы, но Владимир Павлович спорит, убеждает, советует читать Тургенева и грамматику.

Приходит мастер короткого газетного жанра Коля Гонорарьев. Этот долго не задерживается, но всё-таки оставляет неприятное впечатление.

Потом идут другие – молодые, старые, вежливые, заносчивые, сердитые и обидчивые. Попадают нервные. Как-то после работы Владимир Павлович достал из стола два новых письма и хотел уже сунуть их в папку для того, чтобы прочитывать дома, но машинально разорвал один конверт и вынул оттуда на редкость маленькую бумажку.

В этот день Владимир Павлович анализировал поэму Рассветова о боярышнике и был порядком утомлён. Кроме того, демобилизованный романист назвал его Бенкендорфом. К концу дня его нервы находились, кажется, вне всякой системы.

Владимир Павлович развернул бумажку. Неведомый автор предлагал стихотворение, которое начиналось так:

Из подворотни выбрел пёс лохматый
И вдруг завоил, словно не к добру.
Подкрадывался сумрак бородатый,
Подвязывая сумочку к ребру.

«Что это? – подумал Владимир Павлович, чувствуя, что ему становится не по себе. – Какую сумочку?! К какому ребру?»

Владимир Павлович прочёл это ещё раз, попробовал хихикнуть, но смех вышел таким, что он сам его испугался.

Он быстро оделся и поспешно покинул пустой кабинет. По дороге домой Владимир Павлович держался многолюдных и освещённых мест. Странное четверостишие не давало покоя. Тёмный коридор он прошёл быстро и с таким чувством, что его вот-вот ударят по голове чем-нибудь жёстким и тяжёлым. Войдя в свою квартиру, он запер за собой дверь.

Жена сидела на диване и вышивала что-то болгарским крестом. Владимир Павлович заговорил шёпотом:

– Маша, у нас никого нет?

– Никого. А что?

– Вот! – Владимир Павлович вынул из папки конверт и осторожно, словно эта была бутылка с негашёной известью, передал его жене. – Прочти. Только... Ребёнок спит? Спит? Тогда прочти... Нет-нет, не надо вслух.

– Ничего особенного, – сказала хладнокровная жена, прочитав. – «Сумрак бородатый» – хорошо, а вообще несколько туманно...

– Несколько? – перебил Владимир Павлович, нервозно вздрагивая. – Это чёрт знает что: «Завоил!» – какое адское слово. Всё встречалось: поэтические вольности, охотничьи рассказы, шаманские могилы, но такого... Нет-нет! Это что-то жуткое... Я думаю, Эдгар По побледнел бы. А я всё-таки человек рядовой, с ограниченным воображением, у меня ребёнок, ещё могут быть дети... Нет, я не могу! Я уйду с этой работы. Завтра же. Сегодня же! Займусь чем-нибудь другим... Буду менять собственную тень на шагреновую кожу – спокойнее...

Жена бросила вышивание и внимательно посмотрела на мужа. Только сейчас она заметила, что Владимир Павлович бледен и необычно суетлив.

– Послушай, Маша, – сказал Владимир Павлович вкрадчиво, – тебе никогда не казалось, что на тени ты похожа на Бенкендорфа? Да-да. Я всё время думал на кого, и вот сейчас...

Перепуганная жена увела Владимира Павловича в спальню и уложила в постель. Потом она вернулась в комнату, подошла к телефону и набрала нужный номер...

Через неделю начинающий поэт Рассветов, прогуливаясь по улице с девушкой, встретил Владимира Павловича, который против обыкновения не свернул в сторону и не отвёл глаз, а пошёл прямо навстречу Рассветову так, что тот должен был остановиться.

– Вот что, молодой человек, – сказал Владимир Павлович не поздоровавшись... – Не ходите вы по редакциям и не пишите стихов. Чтобы нравиться девушкам, не обязательно писать стихи. Я вам это давно хотел сказать, но не мог. А теперь могу. У вас не то что талант, у вас здравый смысл отсутствует.

– Рехнулся! – сказал посрамлённый поэт, глядя вслед уходящему Владимиру Павловичу.

Он был не прав. Владимир Павлович перешёл на другую работу и был совершенно здоров.

<1965>

Вариант 2

Вадим Сергеевич Шефнер (1915–2002)

ФАНТАСТИКА

Как здесь холодно вечером, в этом безлюдном саду,
У квадратных сугробов так холодно здесь и бездомно.
В дом, которого нет, по ступеням прозрачным взойду
И в незримую дверь постучусь осторожно и скромно.
На пиру невидимок стеклянно звучат голоса,
И ночной разговор убедительно ясен и грустен.
– Я на миг, я на миг, я погреться на четверть часа.
– Ты навек, ты навек, мы тебя никуда не отпустим.
– Ты всё снился себе, а теперь ты к нам заживо взят.
Ты навеки проснулся за прочной стеною забвенья.
Ты уже на снежинки, на дымные кольца разъят,
Ты в земных зеркалах не найдёшь своего отраженья.

<1969>

Максимальный балл за всю работу – 80.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2019–2020 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

1. [40 баллов] ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Прочитайте фрагменты стихов и их переводы на болгарский и польский язык. Выполните задания.

1. [5 баллов] Догадитесь, фрагменты стихов какого русского поэта XX века представлены ниже. Укажите имя и фамилию автора этих стихотворных фрагментов.

2. [5 баллов] Найдите верные соответствия между пятью стихотворными фрагментами, написанными по-русски, и их болгарскими переводами. Укажите попарно их номера (например: 1 – 4).

3. [10 баллов] Перед вами текст песни того же автора и два перевода (из каждого даны две строфы первых строфы и припев). Какие смыслы стихотворения отразили переводчики в каждой из версий? Ответьте в 3–4 предложениях.

4. [20 баллов] Напишите небольшое (10–12 предложений) рассуждение: «Легко ли быть переводчиком?» В рассуждении о художественном переводе и вольности переводчика вам могут помочь высказывания двух знаменитых переводчиков иноязычных поэтов.

«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник» (В.А. Жуковский).

«Из этого надо сделать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченки, Верлена и других, так я понимаю свою задачу» (Б.Л. Пастернак).

Оцениваются: полнота комментариев, точность аргументации, количество ссылок на названия и тексты художественных произведений.

к заданию 2

1	Я не люблю, когда наполовину Или когда прервали разговор. Я не люблю, когда стреляют в спину, Я также против выстрела в упор.	1	Да не чака златото от мене – няма аз целта да пресека: ще си спомни шпорите надменни, щом всредата спра и засека. (Перевод В. Левчева)
2	Иногда как-то вдруг вспоминается из войны пара фраз – например, что сапёр ошибается только раз.	2	Аз мrazia разговори полусмели, полунеца да шепнат с полуглас. Аз ненавиждам в гръб когато стрелят, когато в упор стрелят – мrazia аз. (Перевод Р. Леонидова)
3	Ох, как я бы бегал в табуне – но не под седлом и без узды!	3	... Ах, как бих бягал във табуна аз – без седло и без юзда – с размах! (Перевод Д. Тонева)

4	Но и утром всё не так – Нет того веселья. <...> И ни церковь, ни кабак – Ничего не свято...	4	Понякога ненадейно си спомням парафраза, споделена от мъж – има право да сгреши и сапъора, но веднъж. (Перевод Р. Леонидова)
5	Нет, не будут золотыми горы Я последним цель пересеку, Я ему припомню эти шпоры, Засбою, отстану на скаку.	5	Но и сутрин – равно бял тъжен свят те свива. И ни храм, ни хоремаг свято не съгрява... (Перевод Т. Георгиевой)

к заданию 3

ОХОТА НА ВОЛКОВ

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня – опять, как вчера, –
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера.

Из-за елей хлопочут двустволки –
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувьркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Привев:

Идёт охота на волков, идёт охота!
На серых хищников – матёрых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали – «Нельзя за флажки!»

Привев.

Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же – вожак, дай ответ –
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем через запрет?

Волк не должен, не может иначе!
Вот кончается время моё.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся и поднял ружьё.

Припев.

Я из повиновения вышел
За флажки – жажда жизни сильней!
Только сзади я радостно слышал
Удивлённые крики людей.

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня – не так, как вчера!
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря!

Припев.

А. Обратный перевод по тексту Я. Качмарского
Свернувшись калачиком в темной яме, он крепко спал,
И маленькие волки спали, два слепых ещё,
Тогда старый волк-вожак, хорошо знавший жизнь,
Поднял голову, громко зарычал, и я вздрогнул.

Я почувствовал ненавистный запах вокруг меня,
Запах, который нарушает покой, разрывает все сны.
Далеко кто-то где-то отдал короткий приказ: «Гони!»
И с четырёх сторон выскочили на нас четыре гончих!
Облава! Облава! На молодых волков облава!
Они дикие, страстные, выросшие в густом лесу!
Вытоптан снежный круг! Кровавое пятно в этом круге!
Волчьи тела разорваны гончими собаками!

Б. Обратный перевод по тексту А. Колаковского

Они уже выпустили собак с поводка
Весь лес пахнет предательством,
Эхо несёт вой псов и команду охотников,
Которая гласит: должны догнать стаю.

Мы больше не чувствуем боли и страха,
Не время бояться в час испытаний,
И хотя лес скрывает нас от враждебных глаз
Мы не будем прятаться в норах.

Нам снова хотят нарисовать границу,
Закрыть мир красными тряпками,
Утопить щенков в крови или связать наши души
Узами сильнее смерти.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Александр Грин (Александр Степанович Гриневский, 1880–1932)

АКВАРЕЛЬ

Клиссон проснулся не в духе.

Вчера вечером Бетси жестоко упрекала его за то, что он сидит на её шее, в то время как Вильсон поступил на речной пароход «Деннем».

Должность кочегара предназначалась Клиссону, но он с намерением опоздал к поезду, чтобы «Деннем» ушёл в рейс. Прачка зарабатывала неплохо. Клиссон обдуманно потакал наклонности Бетси к выпивке. Охмелевшая женщина давала ему деньги довольно кротко. Она считалась хорошей прачкой, поэтому у неё всегда было много работы.

Лёжа на кровати с тяжёлой головой, с жжением в груди, Клиссон курил папироску и размышлял: каким образом получить крону? День был праздничный; вчера кочегар условился с приятелями, что встретит их в кабаке Фукса.

Весёлое зелёное утро шевелило за рамой окна листья плюща. Благоухали кусты, росшие под стеной дома. Клиссон, смотря на жёлтые и белые цветы, представлял, что это серебряные и золотые монеты. Он насчитал сорок штук и вздохнул.

Бетси внесла железный чайник. Зевая, стала она накрывать на стол.

В комнате не было другой мебели, кроме табуретов, двух кроватей и старого плетёного кресла.

За дверью, в углу, целую неделю копился сор. На подоконнике лежали объедки; пол был усеян огуречной и яблочной кожурой. У стены огромные корзины с грязным бельём распространяли запах тлена и сырости.

Двигаясь около стола, прачка задела ногой пустую бутылку; она выразительно откатилась, напомнив Клиссону, что надо опохмелиться.

Хмурый вид Бетси не вызывал в нём особых надежд. Жалея, что вчера забыл выпросить у неё денег, Клиссон понуро оделся; опасаясь повторения вчерашних нападков, он не торопился вступать в разговор.

Они стали молча пить чай. По тому, как Бетси вырвала из руки кочегара нож, которым тот резал хлеб, Клиссон мрачно убедился, что прачка не забыла «Деннем». Терять было нечего.

Клиссон сказал:

– Опоздал на поезд. Разве я хотел опоздать? Случай, больше ничего. Не дашь ли ты мне шиллинг?

– А будь я проклята, если дам, – спокойно ответила Бетси. – Я пять домов перестирала за эту неделю. Брошу работать; начну пить, как ты.

Они поругались, потом затихли. Клиссон с отвращением проглотил кружку чая, завидуя Бетси, у которой никогда не болела голова. Чтобы отомстить, он сказал:

– Ты сама пьёшь. Вчера напилась, стала петь. Надела рубашку чужую, с кружевами, и хвасталась!

– Так ты мне не давал бы пить. Я столько не пила прежде. Теперь пью и буду пить, а денег не дам.

Едва не загорелась драка, но тут прачку через окно окликнула соседка, и Бетси вышла, бросив взгляд на угол корзины с бельём. Едва жена скрылась, Клиссон подскочил к корзине и разорвал бельё в том месте, куда посмотрела Бетси. В коробке от папирос лежали деньги. Клиссон взял крону и быстро привел бельё в порядок, сев затем снова к столу.

Почти тотчас вернувшаяся Бетси с сомнением уставилась на Клиссона, но не догадалась о краже. Вздохнув, она стала вытряхивать за окно одеяло, а Клиссон спрятал кепи во внутренний карман пиджака и через пустые комнаты, тщетно ожидавшие жильцов, прошёл к раскрытому окну; он выпрыгнул из него и обогнул сарай, где Бетси летом стирала. Тогда он надел кепи и, убедясь, что прачка не преследует его, поспешил к станции трамвая.

В переполненном вагоне Клиссон окончательно успокоился.

Приехав через полчаса в город, Клиссон полюбовался своей короной и направился в трактир Фукса. Переходя с тротуара на тротуар, кочегар посмотрел вокруг и вздрогнул: Бетси быстро шла прямо к нему, не сводя глаз, и значительно кивнула, когда он, невольно остановившись, втянул голову в плечи.

Предстоящее объяснение так тяжело сжало сердце Клиссону, что у него не хватило мужества встретить грозу. Вид чёрной юбки и клетчатого платка,

приближающихся с неумолимой быстротой, расталкивая и обегая прохожих, вынудил его к бегству, и Клиссон устремился прочь, разглядывая все двери и входы с мечтой найти спасительную лазейку. Услышав за спиной крик:

«Не уйдёшь, подлец!» – Клиссон пустился бежать и свернул за угол. Там был глубокий стильный вход с вращающимися дверьми. Со всей быстротой соображения, вызванной ужасом, Клиссон прочёл надпись овального щита: «Весенняя выставка акварелистов» – и вбежал по солнечной лестнице к входу в зал, где его остановила девица решительного вида, заставив купить билет. Меняя крону, он испытывал некоторое удовольствие при мысли, что часть денег всё-таки им истрачена и что Бетси потеряла из вида его убегающую спину.

Клиссон прошёл в зал, где с высоких стен глянуло на него множество лиц. В его планы не входило критиковать Смайльса и Дежруа; он хотел лишь побыть и уйти. Он видел задумчивых посетителей, обменивающихся тихими замечаниями, и затем... явственно признал Бетси: она, холодно улыбаясь, приближалась к нему. Её глаза были прищурены, и она не видела ничего и никого, кроме Клиссона, взявшего её крону.

– Не ушёл? – сказала Бетси ледяным тоном. – Пойдём-ка поговорим.

– Только не здесь, – взмолился Клиссон, устремляясь вперёд. – Здесь выставка... Я поехал на выставку... Где же ты была? Не видел тебя в трамвае...

– В следующем вагоне. Ответь: долго будет так? Подлец!

– Я не на привязи у тебя, – огрызнулся Клиссон, шагая всё быстрее среди толпы.

Стараясь говорить тихо, они бранились, осыпали друг друга проклятиями, и Бетси заплакала. Вороватая душевная тяжесть Клиссона достигла предела. Он видел, что посетители обращают внимание на него и на прачку, подметил вопросительные взгляды, улыбки. Не зная, что делать, Клиссон поворачивал из одной двери в другую, а Бетси следовала за ним, как проникающее в дерево сверло, и Клиссон начал останавливаться возле картин, – хотя ему было не до картин, – выбирая такие места, где толпилось больше публики. В таких случаях Бетси молчала, но стоило ему отойти, как он слышал сдавленный шёпот: «Бездельник! Лицемер! Пьяница!» – или: «Немедленно уходи отсюда! Отдай деньги!»

– Замолчи! – сказал Клиссон так громко, что, побоясь скандала, женщина утихла. Следом за ним она подошла к картине, на которую Клиссон уставился исподлобья, как на улыбающегося врага. Человек десять рассматривали картину. Дорожка с полосами света, проникающего сквозь листву и падающего на заросшую плющом стену кирпичного дома с крыльцом, возле которого на деревянной скамейке валялась пустая клетка, показалась Клиссону знакомой.

– Похоже, что это наш дом, – произнёс он тоном мольбы, надеясь прекратить казнь.

– Сбрендил ты, что ли?

Но чем больше прачка всматривалась в картину, тем понятнее становилось

ей, что это точно тот дом, откуда исчезла злополучная крона. Она узнала окна, скамейку; узнала ветви клёна и дуба, между которых протягивала верёвки. Яма среди кустов, поворот за угол, наклон крыши, даже выброшенная банка из-под консервов – всё это не оставляло сомнений. Глаза и память указывали, что Бетси и Клиссон смотрят на собственное жильё. Восхищенные, испуганные, перебивая друг друга подробными замечаниями, они немедленно доказали сами себе, что ошибки нет.

– За крыльцом помойное ведро; его не видно! – радостно заявила Бетси.

– Да-а... а внутри-то?! Хоть бы ты подмела, – с горечью отозвался Клиссон.

Они отошли в угол; там, шепчась между собой, старались они понять, как попало сюда изображение дома. Клиссон высказал догадку, не есть ли картина раскрашенная фотография. Но Бетси вспомнила человека, который месяца полтора назад шёл с ящиком и складным стулом.

– Я тогда же подумала, – сказала она, – идёт и ни на что не обращает внимания. Я хотела вернуться, было мне странно его там встретить – ни на кого не похож! А ты пропал три дня. Два дня я тебя искала.

Они наговорились и вернулись к картине, так необычно уничтожившей их враждебное настроение. Перед картиной стояло несколько человек. Видеть этих людей казалось Клиссону так же странным, как если бы они пришли в дом смотреть жизнь. Дама сказала:

– Самая прекрасная вещь сезона. Как хорош свет! Посмотрите на плюц!

Услышав это, Клиссон и Бетси ободрились, подошли ближе.

Их терзало опасение, что зрители увидят пустые бутылки и узлы с грязным бельём. Между тем картина начала действовать, они проникались прелестью запущенной зелени, обвивавшей кирпичный дом в то утро, когда по пересечённой светом тропе прошёл человек со складным стулом.

Они оглядывались с гордым видом, страшно жалея, что никогда не решатся заявить о принадлежности этого жилья им.

«Снимаем второй год», – мелькнуло у них. Клиссон выпрямился. Бетси запахла на истощённой груди платок.

– А всё-таки мне больше дают стирки, чем этой потаскухе Ребен, сказала Бетси, – потому что я своё дело знаю. Я соды не кладу, рук не жалею. Ну... раз уж украл, так поди выпей... только не на все.

Клиссон помолчал, затем шепнул:

– Пойдём. Я выпью. Уж раз я сказал, я слово своё держу.

Завтра надо поговорить с Гобсоном – Гобсон обещал мне место, если Снэк откажется.

– Будь уверен, что тебя водят за нос.

– Ну, ничего, выпьем, с Гобсоном поговорим.

Они прошли ещё раз мимо картины, искоса взглянув на неё, и вышли на улицу, удивляясь, что направляются в тот самый дом, о котором неизвестные им люди говорят так нежно и хорошо.

<1928>

Вариант 2

Григорий Михайлович Кружков (род. 1945)

ГОВОРИТ ДЕРЕВО

Дерево
было

задумчивое, с дуплом,
оно часто жужжало по вечерам,
вызывая повышенный интерес.
Но когда Чернокожий туда залез
и, рискуя башкой, выкурил пчёл,
дупло оказалось совсем пустым.
...А потом, когда выветрился дым,
в нём устроились гномы, и они сперва
жили тихо, – но через неделю устроили вдруг
свадьбу и так разошлись, что жених
выпал – и тогда отменили бал
и назначили поминки. А потом там был склад
шишек. А потом там держал шпион
чертежи самострела (его почти
поймали, но он всё же успел удрать).
О прекрасный мой Дровосек, присядь
на пенёк. Не спеши. Послушай, о чём
шелестят вершины – там, наверху...

Знаю, чую:
ты крепко
рубишь меня,
никогда не
разрубишь.
Верю тебе.
Потому что
коре моей –
тыща лет.
А листва –
ровесница
мотыльку.

<2003>

Максимальный балл за всю работу – 80.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2019–2020 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

1. [40 баллов] ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Прочитайте отрывки из книги К.И. Чуковского, повести Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат» и стихотворные переводы чеченской песни А.А. Фета и Н.И. Гребнева. Выполните задания.

1. [2 балла] Прочитайте фрагмент из книги К.И. Чуковского о высоком искусстве перевода и на основе анализа фрагмента запишите то самое важное слово, меняющее, по словам Чуковского, всё содержание песни.

2. [10 баллов] Проанализируйте разницу переводов Фета и Гребнева, сравните эти переводы с оригиналом (его подстрочным переводом), на основе определённого вами слова сделайте вывод: имел ли право переводчик так обойтись с оригинальным текстом? Обоснуйте ваше мнение. Предложите вашу гипотезу: почему переводчик так поступил?

3. [3 балла] В каком известном стихотворении времён Великой Отечественной войны вновь появляется как актуальный этот стихотворный мотив?

4. [25 баллов] Ниже даны подстрочный перевод полного текста этой чечено-ингушской песни из XX главы повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» и полные переводы этой той же песни А.А. Фета и Н. Гребнева. Сравните эти переводы и оцените их художественные достоинства. Обоснуйте своё мнение, подтверждая ваши тезисы цитатами из переводов.

В рассуждении о художественном переводе и вольности переводчика Вам могут помочь высказывания двух знаменитых переводчиков иноязычных поэтов.

«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник»
(В.А. Жуковский). «Из этого надо сделать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченки, Верлена и других, так я понимаю свою задачу»
(Б.Л. Пастернак).

«<...> Песни – чечено-ингушские. Толстой нашёл их в одном русском этнографическом сборнике, изданном в Грузии в 1868 году. «Сокровища поэтические необычайные», – отозвался он об этих песнях в письме к Фету¹.

Они были напечатаны прозой. В сущности, то был не перевод, а подстрочник. Фет попробовал перевести их стихами, но искусство перевода никогда не давалось ему. Перевёл он их довольно неумело, и они остались в литературе без отклика. Один из его переводов читается так:

¹ Письмо от 26 октября 1875 года // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.62. М., 1953. С. 209.

*Станет насыпь могилы моей просыхать, –
И забудешь меня ты, родимая мать.
Как заглушит трава всё кладбище вконец,
То заглушит и скорбь твою, старый отец*¹.

Много лет спустя Лев Толстой вспомнил эту чечено-ингушскую песню о могиле джигита и воспроизвёл её в двадцатой главе своей повести «Хаджи Мурат». Воспроизвёл не в фетовском переводе, а в прозе:

“Высохнет земля на могиле моей, и забудешь ты меня, моя родная мать. Порастёт кладбище могильной травой, заглушит трава твоё горе, мой старый отец”².

Эти строки почти целиком совпадают с опубликованными в “Сборнике сведений о кавказских горцах”.

Через девяносто пять лет после того, как появился в печати первый перевод этой песни, её перевел Н. Гребнев. В его переводе она читается так:

*Под горою укроет могила меня,
И забудет жена, что любила меня.
Насыпь чёрную травы покроют весной,
И меня позабудет отец мой родной*³.

По смыслу она почти полностью совпадает и с переводом “Сборника сведений” и с переводом Фета. Впрочем, есть в ней одно слово, единственное, но очень важное слово, которое меняет всё содержание песни». (К. Чуковский, *Высокое искусство*. Спб.: Азбука, 2015. С. 272–274)

«Песня относилась к кровомщению – тому самому, что было между Ханефи и Хаджи-Муратом.

Песня была такая:

“Высохнет земля на могиле моей – и забудешь ты меня, моя родная мать! Порастёт кладбище могильной травой – заглушит трава твоё горе, мой старый отец. Слезы высохнут на глазах сестры моей, улетит и горе из сердца её.

Но не забудешь меня ты, мой старший брат, пока не отомстишь моей смерти. Не забудешь ты меня, и второй мой брат, пока не ляжешь рядом со мной.

Горяча ты, пуля, и несёшь ты смерть, но не ты ли была моей верной рабой? Земля чёрная, ты покроешь меня, но не я ли тебя конём топтал? Холодна ты, смерть, но я был твоим господином. Моё тело возьмёт земля, мою душу примет небо”». (Л.Н. Толстой «Хаджи-Мурат», гл. XX)

² Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1937. С. 624.

³ Песни безьяннных певцов. Махачкала, 1960. С. 388.

Чечено-ингушская песня

А) Перевод Афанасия Фета:

* * *

Станет насыпь могилы моей просыхать, –
И забудешь меня ты, родимая мать;
Как заглушит трава всё кладбище вконец,
То заглушит и скорбь твою, старый отец;
А обсохнут глаза у сестры у моей,
Так и вылетит горе из сердца у ней.

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля чёрная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты, о, смерть, даже смерть храбреца;
Но я был властелином твоим до конца:
Своё тело в добычу земле отдаю,
Но зато небеса примут душу мою.

Б) Перевод Наума Гребнева:

* * *

Под горою укроет могила меня,
И забудет жена, что любила меня.
Насыпь чёрную травы покроют весной,
И меня позабудет отец мой родной.
И сестра моя станет, наплакавшись влать,
Жить, как будто без брата на свет родилась.
Только старший мой брат – настоящий джигит
Будет помнить о брате, пока не отмстит.
И покуда не ляжет со мной под горой,
Обо мне не забудет и брат мой второй.

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля чёрная, ты ли покроешь меня,
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты смерть, о смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно.
Рекомендуемый объём – 400–500 слов.

Вариант 1

Пантелеймон Сергеевич Романов (1884–1938)

БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА

Художник в парусиновой блузе, испачканной красками, наскоро приводил в порядок свою мастерскую.

Он ждал посетителей из высоких партийных кругов, свидание с которыми ему устроили друзья. Эти друзья страдали за него, так как большой талант художника-пейзажиста, не могущего перестроиться в плане требований современной критики, гас от потери веры в себя и от наседающей на него нужды.

Он не мог написать ни одной картины, которая отвечала бы современным требованиям. В то время, как его товарищи, менее известные, менее талантливые, безболезненно вышли на дорогу нового искусства и писали картины десятками, получая большие деньги.

В углу мастерской, заставленная другими картинами и мольбертами, стояла брошенная на половине, очевидно, одна из его прежних работ: угол балкона в деревенском доме, рама открытого в цветник окна и вдали над спелым полем ржи серо-лиловая грозная туча, идущая с юга.

Это было так живо изображено, что, казалось, чувствовался сумрак от тучи и свежий запах приближающегося летнего дождя.

А в центре мастерской на мольберте стояло полотно новой, только что оконченной картины. Художник, наконец пересилив себя, написал большое полотно, на котором был изображён чугунолитейный завод.

Гигантская красная кирпичная труба, затем железный каркас завода с кранами и вагонетками и на первом плане – богатырь рабочий с обнажённым торсом и вздувшимися мускулами.

Послышался гудок автомобиля. Художник нервно подбежал к окну и посмотрел на высаживающихся людей – одного в военной форме, другого в штатском – в пальто, кепке и сапогах, и взволнованно сказал:

– Они...

Через несколько минут у входной двери раздался звонок, тот продолжительный и властный звонок, с которым входят власть имущие люди.

Художник бросился открывать.

Пришедшие не стали раздеваться и прямо вошли в мастерскую. Военный был высокого роста с той спокойной неподвижностью лица, какая бывает у высокопоставленных людей, которые не чувствуют неловкости или

необходимости быть стеснительно вежливыми с хозяевами.

Штатский, более скромный и тихий человек, очевидно, выдвинутый из рабочих на высокий пост начальника искусств, часто поглядывал на военного, как бы справляясь с его впечатлением.

– Ну, покажите, покажите, – сказал военный, обращаясь к художнику, но глядя не на него, а на картину, как знатный заказчик глядит на исполненный мастеровым заказ.

– Вот, извольте посмотреть, – проговорил художник с красными от волнения щеками. Он с излишней суетливостью, которую сам видел в себе, как бы со стороны, бросился к картине завода и стал её подвигать, чтобы дать наиболее выгодное освещение.

Военный, отставив одну ногу и несколько откинув назад голову, с прищуренным глазом, молча смотрел на картину.

Штатский тоже смотрел, изредка взглядывая на военного.

– Я здесь дал всю картину выплавки чугуна, – говорил торопливо художник, как бы боясь, что высокий посетитель отойдёт от картины раньше, чем он успеет рассказать ему её смысл. – Причём, обратите внимание, все детали завода изображены совершенно точно. Я работал над ней два месяца на заводе. Даже части машин и те технически совершенно правильны. Вот, например, паровой молот... обратите внимание. Это совершенно точное воспроизведение.

А это школьная экскурсия – сближение учёбы с производством, – руководитель объясняет им процессы работы. Вот здесь с флагом – группа колхозников – шефов над заводом. Они пришли приветствовать рабочих по поводу выполнения плана. А вот это группа единоличников. Они стоят совсем в стороне.

– Как они рты-то разинули! – сказал, засмеявшись, военный.

Штатский, взглянув на военного, тоже засмеялся.

– Сразу видно, что единоличники, – сказал он, – в лаптях и в рваных полушубках...

– Я хотел показать завод не в индустриальном, а в социально-революционном его значении, – сказал художник, как ученик, которому неожиданно поставили лучший балл, и он с красными от радостного волнения щеками сам уже разъясняет свои достижения.

– А там дальше – шахта, из которой добывается руда. Её в действительности там не было, но я соединил это для большей наглядности.

Военный ещё несколько времени постоял перед картиной и, подавая художнику дружески руку, сказал:

– Поздравляю вас с блестящей победой над собой. Вот вы и перестроились и стали давать искусство, нужное эпохе.

Штатский тоже подал руку художнику, покрасневшему от похвалы.

– Как у вас со снабжением? – спросил военный.

– Плохо. Я не приписан ни к одному распределителю.

– Это мы всё устроим. Художники, идущие в ногу с эпохой, не должны нуждаться ни в чём. А это что?.. Старые грехи? – спросил военный, увидев в углу пейзаж с грозой. – Или, может быть, и теперь пишете?..

Художник испуганно оглянулся и, весь покраснев, видимо, от мысли, что его заподозрят в некрасивом поведении, уже по-другому торопливо сказал:

– Да это старые грехи... пейзаж... я даже не кончил его... бросил уже давно, потому что почувствовал его полную ненужность.

Военный, не слушая, подошёл к неоконченной картине и долго молча стоял перед ней, потом почему-то потянул в себя воздух и сказал:

– Дождём-то как пахнет!.. Долго работали над ней?

– Три года...

– Три года! – воскликнул штатский, посмотрев на военного, – за это время сколько полезных картин можно было бы написать.

– Ну, еще раз поздравляю, – сказал военный, не ответив на слова и взгляд штатского.

Достав перчатки, он хотел было идти, но от двери ещё раз оглянулся на пейзаж.

– Да, определённо пахнет дождём и дорожной пылью, – сказал он с весёлым недоумением, – а ни пыли, ни дождя нет, есть только холст и краски. Как вы достигли этого?

– Я об этом сейчас совсем не думаю и не интересуюсь, я весь сейчас в этой картине, – сказал художник, показав на картину завода. – И знаете, – с порывом приподнятой искренности сказал художник, – когда я её написал, я вдруг почувствовал, что у меня нет оторванности и замкнутости в одиночестве, что благодаря ей я нашел путь к слиянию с жизнью массы, иду с ней, дышу одним с ней воздухом.

– А, это великое дело, – сказал военный уже от двери, всё ещё продолжая смотреть с прищуренным глазом на картину грозы. – Но лучше поздно, чем никогда. Душевно рад за вас.

Он подал художнику руку и пошел. Штатский точно так же пожал руку хозяину. И они оба ушли.

Военный, садясь в автомобиль, сказал:

– Сколько я ни смотрю современных картин, просто оторопь и тоска берёт. Какие-то наглядные пособия для школы первой ступени. А ведь среди них есть первоклассные мастера. В чём тут дело?.. Иногда даже приходит в голову нелепая мысль: «Уж не смеются ли они над нами?» Не может же в самом деле талантливый человек не видеть, какую бездарь он производит! Он, видите ли, выписал самым точным образом все детали машин, на кой-то чёрта они нужны в искусстве, всё тут соединил – и колхозников, и единоличников, и экскурсии.

У нас в училище висели сытинские издания, – так точь-в-точь! И зачем мы только тратим на эти заказы такие деньги?.. Для наглядных пособий довольно бы работ учеников ремесленных школ. Бедность мысли и однообразие тем ужасающее: завод спереди, завод – сзади. Рабочий с молотом, рабочий без молота. И везде трубы, колёса, шестерни.

– Ну, как же, Иван Семёнович, у него всё-таки строительство показано. Военный замолчал, очевидно, не желая вступать в пререкания.

Художник вернулся в комнату, нервно шершавя волосы с тем взволнованным и возбуждённым видом, какой бывает у всякого художника, только что проводившего похваливших его работу гостей.

Художник, как бы проверяя какое-то высказанное посетителями впечатление, остановился перед пейзажем с грозой.

– Да, действительно, живёт! – сказал он, при этом раздув ноздри, даже потянул воздух к себе, как это делают, когда после душного летнего полдня зайдёт с юга грозовая туча, над землёй пробежит сумрак и в свежем воздухе запахнет дождём и дорожной пылью.

Он ещё некоторое время постоял перед картиной, потом, вздохнув, перевернул её лицом к стене и задвинул в самый дальний угол, чтобы предотвратить возможность попасться на глаза неожиданным посетителям.

Потом подошёл к картине завода с его красной трубой и колхозниками, постоял перед ней и вдруг, весь сморщившись и взявшись обеими руками за голову, сказал:

– Позорно!.. Омер-зи-тель-но!..

<1931>

Вариант 2

Михаил Давидович Яснов (род. 1946)

ЯЩИК СТЕКОЛЬЩИКА

Ходит по городу рыжий стекольщик. Висит у него на спине сказочный ящик на толстом лохматом ремне.

И по утрам с незапамятных пор
небо верхом на стекольщике шумно въезжает во двор.

Ящик стекольщика – планки, дощечки, бороздки,
этот магнит, на который бегут из подъездов подростки, –
вот он стоит посредине двора, а стекольщик слоняется рядом,
шаря по окнам внимательным взглядом.

Стёкла сверкали под солнцем, – и я вспоминаю:
«Стё-ё-ёкла вставля-я-яю!..» звучало как «Со-о-олнце вставля-я-яю!..»

Стёкла давили друг друга невидимым грузом.

Стёкла, как яблоки, в стружке – с хрустальным надкусом.

Самые тонкие – стёкла оконные – с блеском;
стёкла потолще; особое место – стеклянным обрезкам;
самое толстое – с гладким и радужным краем –
мы покупаем!

Это стекло со следами сырими
туч, отражавшихся в нём, где сверкал в исчезающем дыме
маленький, сбоку, стремительный скол,
мама купила на письменный стол.

Сколько хлопот мне стекло это в детстве доставило!

Руку сгоняло с тетради, каракули правило,
то в небеса ускользало ковром-самолётом,
то распевало весенним дождём как по нотам...

Не оттого ль, точно ящик стекольщика, полон мой письменный ящик
звоном и гулом гортанных, губных и свистящих?

Не оттого ль наяву и во сне
небо, как рыжий стекольщик, ношу на спине?

<2000>

Максимальный балл за всю работу – 80.

